

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов *www.sillov.ru* и *www.real-street-fighting.ru*;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининца, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Эхо одиночного выстрела хлестнуло по стенам огромного зала, многократно отразилось от них — и затухло, запутавшись в переплетениях ржавых лестниц и кусков арматуры, тут и там торчащих из куч бетонного мусора. Пуля ударила в плечо, развернула на месте, но Лесник все же успел нажать на спуск.

И пуля ударила куда надо!

На Монумент брызнули капли крови — и тут же исчезли, словно аномалия поглотила их, приняв как подношение за исполнение последнего желания сталкера по прозвищу Снайпер.

С некоторых пор Лесник перестал понимать, кто он такой на самом деле.

Или что он такое...

Когда постоянно находишься возле самой загадочной аномалии Зоны, вряд ли получится остаться тем, кем был раньше. Монумент полностью изменил структуру тела пожилого сталкера, взамен дав нереальную силу. Больше не было потребности в еде или сне, ушли все стариковские болячки, обострились зрение и слух. А еще мощь в теле появилась фантастическая. Арматуру в узел завязать? Вообще не вопрос! Кулаком бетонную стену пробить, словно она картонная? Да запросто!

Правда, непривычно было, что тело словно полупрозрачным стало. Сквозь руку собственный сапог видно, куда это годится? Причем это в одежде, которая тоже стала похожа на мягкое стекло. И Лютый, котейка-мутант с кисточками на ушах, таким же стал, будто живая статуя, искусно слепленная из обычной воды. Лишь глаза горят огнем цвета Монумента.

Но это все мелочи.

Главное, что цель в жизни обозначилась.

Конкретная.

Настоящая!

Беречь Монумент от всяких уродов, что приходят клянчить у него исполнение желаний. На каждую такую просьбу аномалия энергию тратит — того в статую превратит, на этого кусок бетонного потолка уронит, третьего расплавит, превратив в вонючую аномальную лужу.

Совершенно ни к чему это, когда рядом есть Лесник со своей полупрозрачной винтовкой, в которой теперь никогда не кончались патроны. Один выстрел — и Монумент больше не выслушивает очередную бредовую просьбу жадного и жалкого человечешки. Пусть безмятежно мерцает себе, а Лесник уж позаботится, чтоб никто не беспокоил самую известную аномалию Зоны.

Однако, когда в зал ввалился Снайпер, весь в крови, с безумным взглядом, Лесник оплошал. Замешкался, не зная, что делать.

Раздражал Снайпер старика с той самой минуты, как его в Зоне увидел. Сначала офигел Лесник изрядно. Подумал, что обознался — столько лет прошло. Но потом навел справки об этом сталкере — и понял: нет, не подвели глаза. Было дело, пересекались пути-дорожки. Да только в далеком сорок первом он, Лесник, был пацаном восемнадцатилетним — в поле ветер, в баш-

ке дым. А Снайпер этот каким был в то время, таким и остался — сильным, немногословным, решительным¹.

И молодым...

Перехожий он, типа, шляется не только меж мирами, но и сквозь время проходит туда-сюда, как обычные люди в сортир и обратно. Наделает грязных дел своих, наведет шороху — и уйдет, а людям потом разгребай то, что он натворил...

Но никогда б себе не признался Лесник, что под мыслями его, желчью пропитанными, как дно под рекой, лежит зависть. К тому, что у этого парня есть Предназначение, смысл жизни есть, а значит, и цель присутствует, к которой он стремится. Не каждому дано такое, чтоб настоящее было внутри, невыдуманное, истинное. Раньше Лесник, типа, Зону берег от кого-то, место гиблое и страшное, а на хрена берег — на тот вопрос он и сам бы себе вряд ли ответил. Сейчас вот Монумент бережет, хотя никто его не просил об этом. Призрачное предназначение, зыбкое, как рябь по воде, из головы взятое, не из сердца. Но кто ж себе в таком признается?

А когда у кого-то есть то, чего тебе никогда не видать, как своих ушей, тогда она и приходит.

Зависть.

И вместе с ней — злоба.

И плевать, что в далеком сорок первом этот сталкер пусть и случайно, но спас тебе жизнь как минимум дважды. Тот, кто делает добро походя, ненароком, бесит сильнее других — словно копейку нищему кинул, хотя у самого денег полные карманы.

Вот потому Лесник и тормознул слегка. С одной стороны, убить Снайпера очень хотелось, причем давно.

¹ О встрече Снайпера и Лесника можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон войны» литературной серии «Снайпер».

И причина была серьезная: чтоб больше миры не баламутил. Но, с другой стороны, старик помнил — того, кто про Долг Жизни забывает, не оплатив его сполна, Зона наказывает. Страшно. Так что хотелки хотелками, однако здравый смысл никто не отменял.

— Ну, здравствуй, Монумент, — прохрипел Снайпер, сплюнув кровь изо рта. Видно было — из последних сил держится, чисто на одной лишь силе воли. Ну и на адреналине, куда ж без него. Судя по дырам в окровавленной одежде, раны у сталкера нешуточные, еще немного — и стрелять не понадобится. Сам кровищей изойдет, что стекает на его пальцы тонкой струйкой из разодранного рукава.

Прохрипел приветствие — и на колени рухнул. Легкая мишень. Поднимай винтовку да стреляй, как в тире.

Но Леснику стало интересно. Те, кто приходил к Монументу, шкурные желания с собой приносили. Скучные, однообразные. Власть, богатство, вечная жизнь. Банально. И глупо. Ибо власть — это постоянная головная боль на тему, как бы ее другие не отняли. Как и богатство. И вечно жить с этим сомнительным хабаром — как с ножом в брюхе. И больно, и вытащить страшно. Но еще страшнее, что кто-то другой заточенную сталь из тебя выдернет вместе с кишками.

— Я дошел до тебя, Монумент, я имею право, — еле слышно прошептал Снайпер — и, что интересно, аномалия отреагировала. Засияла сильнее, ярче стала. Ишь ты, услышала, похоже, слова того, кому, по слухам, благоволит сама Зона и кто самой Смерти названный брат.

А сталкер говорил все тише и тише...

— Спаси миры, что я обрек на смерть ради того, чтобы вернуть к жизни своих друзей... Я виноват, Монумент, я очень виноват. Из-за меня они умерли, дру-

зья мои, только из-за меня, но я спас их несмотря ни на что. А теперь ты не дай погибнуть мирам, в которых они живут. Прошу тебя, Монумент. Ведь я дошел! Я имею право на желание...

В душе Лесника всколыхнулась буря. Разом, будто в тихое море грозовое небо обрушилось, пронзив его лезвиями молний. Право он имеет! На что ты имеешь право, издыхающий мясной мешок с костями? Да кто тебе дал такое право — жизни походя давить, словно муравьев, не замечая чужой гибели, а если и замечая, то тут же забывая об этом незначительном происшествии? Кто уполномочил тебя миры баламутить, историю перекраивать, время вспять поворачивать? Богом себя возомнил?! Так на каждого бога своя управа всегда находится.

Лесник вскинул винтовку.

— Не имеешь!

Снайпер медленно повернул голову — видно было, что нелегко ему это далось. Ибо глаза мутные, уже неживые. Лесник знал: такие глаза бывают у тех, кто стоит на пороге Края вечной войны. Но кто его знает, этого переходящего, который уже не раз умирал, а после воскресал и продолжал дела свои пакостные как ни в чем не бывало?

Но просто нажать на спуск Лесник не мог. Ибо слова жгли душу, выворачивали ее наизнанку. И если не высказать, похоронить их в себе, потом всю жизнь жалеть будешь, что не выплюнул их в эти затухающие глаза.

— Нет у тебя никаких прав, Снайпер, — проговорил Лесник. — Ты точно болезнь на теле Зоны. Где появляешься ты, там нарушается равновесие, рвутся границы между мирами, гибнут десятки живых существ, которых ты убиваешь, оправдывая их смерть своим Предназначением. Настала пора вылечить Зону от те-

бя, сталкер, — и, думаю, Зона будет мне благодарна за это лечение.

Лесник медленно, с наслаждением потянул спусковой крючок, ощущая пальцем, как выбирается слабина. Что может быть лучше, когда сказано все, что хотелось сказать, и осталось лишь поставить последнюю свинцовую точку в этой затянувшейся повести? Конечно, неприятно, что нет у этого умирающего сталкера ужаса в глазах перед неминуемой смертью и что пока он, Лесник, говорил, губы Снайпера слегка растянулись в усмешке. Ничего. Когда пуля пробивает лоб и выходит из затылка, все усмешки и презрительные взгляды исчезают разом, и на растрескавшийся пол падает всего-навсего еще один труп, которых до него немало попадало в этом зале.

Но что-то пошло не так...

За долю мгновения до того, как раскаленная пуля вылетела из ствола, Лесник ощутил толчок в шею. Сильный, будто мешок с цементом кто-то на загривок кинул. Старик еле на ногах устоял, а палец, само собой, за спуск дернул.

Грохнул выстрел — и на Монумент брызнула кровь. Да, прицел, конечно, сбился от непонятного толчка, но тоже неплохо вышло: пуля ударила в шею сталкера, швырнув его на пол. С кровопотерей от подобного ранения не выжить никому, даже пресловутой Легенде Зоны.

Все это промелькнуло в голове Лесника несколько не медленнее пули, только что вылетевшей из ствола его винтовки. И реакции старику было не занимать — развернулся быстро, одновременно досылая в патронник новый патрон...

Но недостаточно быстро.

Перехожий уже встречался с подобным, когда сильные аномалии превращали живого человека в часть себя. Какие-то просто принимали форму тел, поглощенных ими. Некоторые плодили мороков — управляемых кукол, посредством которых аномалии охотились или защищались...

Но здесь случай был уникальный.

Главная аномалия этой Зоны наделила живого человека частью своей силы, образовав с ним своеобразный симбиоз. Она ему — силу и бессмертие, он же в обмен — свою жизнь, посвященную только ей. И сейчас этот человек-симбионт, похоже, уничтожил то, ради чего Перехожий пришел сюда, не без труда пробив портал сквозь пространство.

Правда, оставалась надежда, что его ментальный удар сбил прицел — Перехожий видел, что пуля угодила не туда, куда метил симбионт. Посему имело смысл ударить еще раз, не экономя силы, а после отбросить в сторону кота-мутанта, бросившегося на него с оскаленными клыками.

Мутант мявкнул, получив невидимый удар между глаз, и рухнул на бетонный пол, рядом со своим полупрозрачным хозяином, валяющимся без сознания. Жить котейка будет, зато потом сто раз подумает, на кого можно бросаться, а на кого лучше не надо. А тот, кто умел проходить сквозь пространство, быстро подошел к сталкеру, из пробитой шеи которого уже тонкой струйкой лилась кровь, наполняя и без того большую темную лужу, над которой курился слабый пар — в зале Монумента было довольно холодно. Правда, темная струйка вытекала из шеи толчками, а значит, сердце умирающего еще билось.

Мало что можно сделать, если перебита сонная артерия и жизнь стремительно покидает тело. При отсутствии рядом госпиталя с отделением реанимации наготове разве что пережать шею пониже раны, чтобы на несколько минут отсрочить неминуемое. Да только зачем? Дабы сказать что-то совершенно ненужное человеку, который уже одной ногой стоит там, где любые слова не имеют никакого значения?

Но, видимо, тот, кто был способен ходить сквозь «кротовые норы» в пространстве, умел нечто большее, недоступное обычным людям. Он встал на одно колено, положил руку на рану, и мощно выдохнул, чувствуя, как от его сердца вниз по руке прокатилась обжигающая волна энергии.

Это было очень больно. Перехожему показалось, что он опустил руку в чан с расплавленной сталью, и это понятно. Когда делишься с кем-то частью собственной жизни — это всегда больно. Организм сопротивляется, не хочет отдавать самое ценное, что у него есть, но в данном случае результат был важнее собственной жизни...

Умирающий вздрогнул и открыл глаза.

— Зачем? — прохрипел он.

— Ты нужен, — прозвучал ответ.

— Кому? — слабо усмехнулся сталкер.

— Родине. В нашу прошлую встречу я предложил тебе сотрудничество, и ты обещал подумать. Сейчас я предлагаю то же самое.

— Просто убери руку, Андрей, — проговорил умирающий. — Не трать силы. Тебе не вытащить меня отсюда...

— Я попробую, — возразил Андрей Макаренко. — Но ты мне должен пообещать помочь.

— Просто раздавать обещания на пороге смерти, — хмыкнул сталкер, чувствуя одновременно и прилив сил, и как снизу вверх стремительно холодеют конечности — верные признаки надвигающейся агонии. — Конечно, помогу, не вопрос. Только учти: органы у меня изрядно подпорчены радиацией. Если собрался кому-то мои почки пересаживать или печень, десять раз подумай...

Он замолчал, так как его внезапно начало трясти. Свело язык, горло, сдавило сердце...

«Ну наконец-то, — пришла вялая мысль. — По ходу, теперь кто-то другой будет тащить на себе мое Предназначение как непомерный груз, намертво приросший к спине».

И это была последняя мысль перед тем, как темнота разверзлась перед ним — и он упал в ее холодные объятия с облегчением, словно путник, достигший цели и в конце сбросивший с плеч тяжелый рюкзак, давивший на них долгие годы...

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь ароматов хлорки, лекарств, свежего и не очень свежего казенного белья сразу доносит до мозга информацию о том, где ты находишься, даже если глаза закрыты. Потом к запахам прибавляется осознание, что ты лежишь на спине как бревно, не в силах пошевелиться, руки в области локтевых сгибов болят от игл капельниц, а кожа на лице неприятно зудит — это наверняка на тебя кто-то пялится, словно на неподвижную древнеегипетскую мумию.

Я поднапрягся, поднял веки — тяжелые, словно налитые свинцом...

— Опять ты...

Язык слушался плохо, но я все же это выговорил.

— Ага, — сказал Макаренко. — Опять я.

Ясно, чего ж тут неясного. Значит, он каким-то немыслимым образом все-таки вытащил меня из зала Монумента, определил в больницу и ждет, что я прям с больничной койки ринусь отрабатывать ему Долг Жизни.

— Если ты за обещанным... то хреновый из меня сейчас помощник.

— Не поспоришь, — кивнул Андрей. — Остановка сердца на пять с половиной минут и две недели в коме еще никому здоровья не прибавляли.

Ишь ты, как интересно. Значит, я и правда едва попыта не отбросил — если Макаренко не врет, конечно. Хотя смысла в этом нет: я и так по Закону Зоны ему жизнь должен, и потому дополнительно нагружать меня чувством благодарности совершенно ни к чему. Да и не за что мне его благодарить, в общем-то. После всего, что со мной произошло, жизнь для меня точно пресловутый чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить вроде как жалко, но если кто отнимет — и хрен бы с тем чемоданом, невелика потеря.

Андрей чуть запнулся, слегка нахмурил брови. Что бы это значило?

— Есть и еще кое-что, — сказал Макаренко. — Пуля, что тебя чуть на тот свет не отправила, задела позвоночник. В общем, все, что ниже шеи...

— Нет, — проговорил я.

— Увы, — вздохнул Андрей. — Таков Путь воина. Иногда на нем встречаются непреодолимые пропасти.

Я напрягся изо всех сил, пытаюсь сдвинуть руку хотя бы на миллиметр...

Бесполезно.

Я больше не контролировал собственное тело, и боль в локтевых сгибах от игл мозг просто себе придумал, когда осознал запах больницы.

Я негромко застонал... Что может быть страшнее? Лучше самая мучительная смерть: там хоть, когда страдаешь, осознаешь, что рано или поздно все закончится. Здесь же финал уже наступил, тело фактически умерло, лишь живая голова продолжает зачем-то существовать, пристегнутая к безвольному и бесполезному мешку из плоти.

— Слушай, Андрей, — сказал я, ощущая, как стремительно возвращается ко мне способность трезво мыслить и связно изъясняться: после такого стресса это и неудивительно. — Сделай одолжение...

— Нет, — перебил меня Макаренко. — Не сегодня. Пулю в лоб я тебе всегда организую по знакомству, но только в реально критической ситуации. Сейчас она, прямо скажем, неважная, и, боюсь, радикально ее поправить не получится, но есть у меня одно нерадикальное средство.

Он сунул руку за пазуху форменного кителя и вытащил оттуда самый обыкновенный пластиковый шприц, внутри которого переливалась жидкость необыкновенного цвета. Была она похожа на слабый раствор марганцовки, внутри которого, словно зеленые глисты, сновали юркие сполохи. Появлялись, исчезали, растворяясь в «марганцовке», зарождались вновь... Завораживающее зрелище и при этом неприятное до тошноты.

— Как я понимаю, эту гадость предполагается ввести в меня, — поморщился я. — Может, все-таки лучше на пулю расщедришься?

Андрей усмехнулся.

— А если я скажу, что эта гадость поднимет тебя на ноги? К слову, ты находишься в Институте аномальных

зон, где эту субстанцию и разработали на основе артефакта, который называется «Глаз Выброса».

— Интересно, — хмыкнул я. — С учетом, что этот артефакт — выдумки подвыпивших сталкеров...

Но, наткнувшись глазами на внимательный взгляд Макаренко, я заткнулся. Ибо как-то сразу понял: не фантазия этот уник, которого вживую никто никогда в Зоне не видел. Вроде бы не видел...

— Этот арт — порождение выброса аномальной энергии из недр разрушенного Четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС, — сказал Андрей. — Он зарождается в эпицентре и обладает нереальной силой. О редкости арта можно даже не говорить, но его все же достал один сталкер и продал Институту за немалые деньги...

— Короче, — попросил я, чувствуя, что эффект от выброса адреналина стремительно падает и я вот-вот снова вырублюсь от слабости.

— Можно и короче, — отозвался Макаренко. — Пока что ученые Института выяснили следующий эффект: раствор на основе этого артефакта, размельченного в пыль, возвращает поврежденные ткани по линии времени до точки оптимального состояния. То есть, например, если обколоть этой субстанцией лицо, то оно станет как у двадцатилетнего — лучшее время для организма. Или ввести в искалеченную руку, которая после инъекции практически сразу станет нормальной, — правда, пациенту во время восстановления придется жрать как не в себя, иначе «марганцовка» поглотит остальные ткани организма ради восстановления той руки.

— Ясно, — сказал я. — И в чем подвох? Арты никогда не имеют только положительную сторону.

— Эффект «марганцовки» нестабилен, — пожал плечами Макаренко. — Примерно через двадцать четыре часа отреставрированные ткани начинают возвращаться к исходному состоянию. Специалисты Института работают над этим, но пока безуспешно.

— Понятно, — невесело усмехнулся я. Надежда вспыхнула было — и угасла, что, впрочем, для нее практически всегда вполне нормальное поведение. — И зачем в таком случае мне нужна эта информация?

Макаренко задумчиво крутил шприц в пальцах, словно прикидывая — продолжить беседу или ну ее на фиг. Но все же, видимо, решив, что коли уж пришел, надо довести дело до конца, выдал следующее:

— Артефакт «Глаз Выброса» принес в Институт один сталкер. Получил деньги, сказал, что принесет еще — и пропал. Потенциал у этого арта колоссальный, наш Комитет, сотрудничающий с Институтом, крайне заинтересован в нем, но для полномасштабного исследования одного артефакта мало — нужно несколько. Однако руководство никогда не разрешит послать в Зону группу специалистов на поиски какого-то сталкера, просто не захотят рисковать ценными сотрудниками. А без дополнительного исследовательского материала этот единственный шприц с получившимся работающим продуктом можно выбросить в помойку, так как...

— ...результат нестабилен, — продолжил я, поскольку Макаренко запнулся — видимо, сообразил, что насчет помойки получилось не особо тактично. Но мне сейчас было наплевать на церемонии, потому как я понял, зачем он пришел сюда. — Короче, вам нужен одиночка, на которого всем плевать: сдохнет — не жалко, — сказал я. — Причем он должен очень хорошо знать Зону и иметь личную заинтересованность в положительном результате операции. Посему вы, вместо то-